

НОВЫЕ ПЕРЕВОДЫ

Дэни Родрик

Парадокс глобализации: демократия и будущее мировой экономики



РОДРИК Дэни (Rodrik, Dani) — профессор социальных наук им. Альберта Хиршмана Школы социальных наук при Институте фундаментальных исследований. Адрес: США, штат Нью-Джерси, 08540, г. Принстон, ул. Эйнштейн-драйв.

Email: drodrik@ias.edu

Перевод с англ.
Николая Эдельмана.

Научный редактор перевода —
Артём Смирнов.

Со времён торговых монополий в империях XVII века и вплоть до современных институтов ВТО, МВФ и Всемирного банка страны мира использовали различные инструменты для того, чтобы извлечь для себя выгоду из процесса глобализации. Экономические нарративы этих эпох — «золотой стандарт», Бреттон-Вудские соглашения, «вашингтонский консенсус» — были большим успехом и в то же время большим провалом. Оспаривая общепринятые представления о глобализации, Дэни Родрик предлагает новый нарратив, который указывает на неустранимое противоречие: невозможно одновременно иметь демократию, национальное государство и экономическую глобализацию. Когда социальные механизмы демократии неизбежно сталкиваются с требованиями глобализации, на первый план должны выходить национальные интересы. Сочетая увлекательные исторические экскурсы с глубоким экономическим анализом, автор выступает за ограничение глобализации при помощи международных правил, позволяющих ответить на глобальные вызовы, с которыми мы сталкиваемся сегодня в торговле, финансах и на рынках труда.

Журнал «Экономическая социология» публикует введение к книге Д. Родрика «Парадокс глобализации: демократия и будущее мировой экономики» — «Новый взгляд на глобализацию» («Recasting Globalization's Narrative»). В нём поставлена исследовательская проблема и обозначены основные положения предлагаемого автором подхода к её решению. Свой подход Д. Родрик считает альтернативным консенсусу политиков и экономистов, ратующих за безоговорочную поддержку глобализации. Взгляд Д. Родрика на глобализацию базируется на двух соображениях: (1) рынки и правительства дополняют, а не заменяют друг друга; и (2) существует множество моделей капитализма, способствующих экономическому процветанию.

Ключевые слова: глобализация; демократия; национальное государство; международная торговля; финансовый кризис; капитализм; развивающиеся страны.

Введение. Новый взгляд на глобализацию

В начале 1997 г. я опубликовал небольшую книжку под названием «Has Globalization Gone Too Far?»² («Не слишком ли далеко зашла глобализа-

¹ Родрик Д. (готовится к изданию). Парадокс глобализации: демократия и будущее мировой экономики. М.: Издательство Института Гайдара. Источник: Rodrik D. 2011. *The Globalization Paradox: Democracy and the Future of the World Economy*. New York: Norton & Company. — Примеч. ред.

² Rodrik D. 1997. *Has Globalization Gone Too Far?* Washington, DC: Institute for International Economics. — Примеч. ред.

ция?»). Несколько месяцев спустя экономики Таиланда, Индонезии, Южной Кореи и других стран Юго-Восточной Азии были поражены глубоким кризисом, причиной которого стал болезненный удар со стороны мировой финансовой системы. На протяжении десятилетий эти страны развивались ускоренными темпами, став любимцами международного финансового сообщества и экспертов по развитию. Но затем международные банки и инвесторы вдруг решили, что вкладывать в них деньги стало небезопасно. Началось стремительное изъятие капиталов, местные валюты в одночасье обрушились, корпорации и банки разорялись, и экономика этого региона развалилась. Так было положено начало азиатскому финансовому кризису, который перекинулся сперва на Россию, затем на Бразилию и, наконец, на Аргентину, заодно покончив с Long-Term Capital Management (LTCM) — мощным хедж-фондом, вызывавшим всеобщее восхищение.

Я мог бы поздравить себя с таким предвидением и точным расчётом. Моя книга стала бестселлером, полагаю, не в последнюю очередь потому, что издавший её вашингтонский Институт международной экономики им. Петерсона имел репутацию решительного сторонника глобализации. Получилось что-то вроде ситуации «Никсон в Китае»³. Скептицизм в отношении глобализации вызывает больше интереса, когда слышишь об этом оттуда, откуда меньше всего ожидаешь. «Мозговой трест, выступающий за глобализацию, издаёт книгу гарвардского профессора, предупреждающего, что глобализация — не совсем то, что нам говорили» — такое событие, несомненно, заслуживало внимания!

Увы, оказалось, что суть вопроса от меня во многом ускользнула. В моей книге не было сказано ни слова о кризисе, назревавшем на финансовых рынках. По сути, я не только не сумел предсказать надвигающийся шторм, но и вовсе отказался от разговора о финансовой глобализации, то есть о тех триллионах долларов в валюте, ценных бумагах, деривативах и прочих финансовых активах, находившихся в повседневном глобальном обороте. Вместо этого я уделил основное внимание проблемам, которые создавала международная торговля товарами на рынках труда и в сфере социальной политики. Меня тревожило, что бум международной торговли и аутсорсинга усугубляет неравенство, увеличивает риски на рынках труда и подрывает социальную сплочённость наций. Эти конфликты следует улаживать, утверждал я, принимая более широкие социальные программы и совершенствуя международные правила. Решение написать книгу я принял потому, что мои коллеги-экономисты отмахивались от этих вопросов и упускали возможность продуктивного участия в публичных дискуссиях. Думаю, что в то время я был прав, и экономическая наука за прошедшие годы в целом существенно приблизилась к моей тогдашней позиции. Однако обратная сторона *финансовой* глобализации в тот момент не вызывала у меня беспокойства.

В годы, последовавшие за азиатским финансовым кризисом, мои исследования всё чаще были посвящены вопросу о том, как работает (или не работает) финансовая глобализация. И когда 10 лет спустя Международный валютный фонд обратился ко мне с просьбой написать об этом, я чувствовал себя вполне подготовленным. Написанная мной в 2007 г. совместно с Арвиндом Субраманияном статья называлась «Why Did Financial Globalization Disappoint?» («Почему финансовая глобализация нас разочаровывает?»)⁴. Финансовая глобализация обещала дать предпринимателям необходимые средства и переложить риски на плечи более опытных инвесторов, лучше подготовленных к тому, чтобы принять их. При этом в наибольшем выигрыше оказались бы развивающиеся страны, страдающие от

³ Метафора «Никсон едет в Китай» используется для обозначения того, что только не склонные к компромиссу политики способны нарушать неписанные запреты (только столь известный противник коммунизма, как Р. Никсон, смог поехать в Китай и встретиться с Мао Цзэдуном (1972 г.), не вызвав при этом подозрений в симпатии к коммунизму). Этому же событию была посвящена опера Джона Адамса «Nixon in China» («Никсон в Китае»), мировая премьера которой состоялась в 1987 г. в Хьюстоне. — *Примеч. ред.*

⁴ Эта статья была опубликована в 2009 г.; см.: [Rodrik, Subramanian 2009]. — *Примеч. автора.*

нехватки наличности, подверженные многочисленным потрясениям и не имеющие широких возможностей для диверсификации. На деле всё вышло совсем не так. Страны, достигшие наибольших успехов (такие, как Китай), стали не заёмщиками, а кредиторами богатых стран. Те, кто рассчитывал на международные финансы, в целом демонстрировали неважные результаты. Наша статья представляла собой попытку объяснить, почему глобальные финансовые потоки не принесли особых благ развивающимся странам.

Едва мы отправили статью в печать, как в США разразился ипотечный кризис, быстро охвативший страну. Лопнул пузырь жилищных кредитов, обесценились активы, обеспеченные закладными, кредитный рынок иссяк, и несколько месяцев спустя фирмы с Уолл-стрит совершили коллективное самоубийство. Потребовалось вмешательство властей — сперва в США, а затем и в других развитых экономиках, — сопровождавшееся крупномасштабным выкупом активов и учреждением опеки над финансовыми институтами. Ответственность за этот кризис несла финансовая глобализация. За ростом жилищного пузыря и пирамиды ненадёжных деривативов стояло избыточное накопление капитала в азиатских странах и нефтедобывающих государствах. Тому, что кризис так стремительно перекинулся с Уолл-стрит на другие финансовые центры по всему миру, способствовало смешение балансов вследствие финансовой глобализации. И я снова упустил важное событие, назревавшее за горизонтом.

Конечно, я был отнюдь не одинок. Экономисты за очень немногими исключениями пели осанну финансовым инновациям вместо того, чтобы говорить об опасностях, связанных с ростом «теневого банковской системы», как был впоследствии назван этот клубок нерегулируемых финансов. Так же, как во время азиатского финансового кризиса, тревожные знамения были оставлены без внимания, риски проигнорированы.

Ни один из этих кризисов не возник на ровном месте. Азиатскому финансовому кризису предшествовали многочисленные аналитические работы, авторы которых подчёркивали, как опасно искусственно поддерживать курс национальной валюты в условиях свободного движения финансового капитала. Хороший экономист не мог не понимать этого задолго до того, как в августе 1997 г. рухнул тайский бат. Ипотечный кризис также привёл к появлению обширной литературы, а с учётом его размаха и грандиозных последствий мы наверняка увидим ещё очень много работ на эту тему. Но кое-какие ключевые выводы, к которым приходят их авторы, было бы нетрудно предугадать: рынки весьма подвержены образованию пузырей, нерегулируемый левверидж порождает системные риски, непрозрачность подрывает доверие, а для выживания финансовых рынков необходимо своевременное вмешательство. Разве мы не знали всего этого ещё со времён знаменитой тюльпаномании XVII века?

Эти кризисы стали для нас откровением не потому, что были непредсказуемыми, а потому, что их *не сумели предсказать*. Экономисты (и те, кто к ним прислушивался) питали чрезмерное доверие к наиболее популярной на тот момент логической схеме: рынки эффективны, финансовые инновации позволяют перекладывать риски на плечи тех, кто в наибольшей степени к ним подготовлен, саморегулирование работает превосходно, а государственное вмешательство неэффективно и вредно. При этом оставлялось без внимания много других соображений, приводящих к совершенно иным выводам. Самоуверенность порождает ошибки. От них не был застрахован даже я, при всём моём критическом отношении к финансовой глобализации. Наряду с прочими экономистами я тоже с избыточной готовностью давал себя убедить в том, что благоразумные законы и политика центральных банков служат вполне надёжной защитой от финансовой паники и экономических катастроф в развитых экономиках; остаётся лишь обеспечить то же самое в развивающихся странах. В чём-то ход моих рассуждений мог отличаться, но в целом он следовал тому же самому общему курсу.

В плену сомнений

В тех случаях, когда кризис поражает страны, расположенные на периферии глобальной системы (такие, как Таиланд или Индонезия), мы обвиняем в неудаче их самих, заявляя, что они не сумели приспособиться к жёстким правилам системы. Когда же аналогичные потрясения переживают страны, занимающие центральное место в мировой экономике, мы возлагаем вину на систему и говорим, что её пора менять. Финансовый кризис 2008 г., потрясший Уолл-стрит и оказавшийся для США столь же болезненным, как и для других крупных индустриальных держав, уже возвестил наступление эпохи решительных призывов к реформам и поднял серьёзные вопросы, связанные с устойчивостью глобального капитализма, по крайней мере, в том его виде, в каком он пребывал последнюю четверть века.

Какие меры могли предотвратить финансовый кризис? Что было причиной всех проблем? Беспринципность ипотечных кредиторов? Расточительность заёмщиков? Порочные практики рейтинговых агентств? Бесконтрольное использование леввериджа финансовыми институтами? Избыточные глобальные накопления? Слишком мягкая монетарная политика Федеральной резервной системы? Гарантии, полученные от государства агентствами Fannie Mae и Freddie Mac? Попытки американского министерства финансов спасти Bear Stearns и AIG? Отказ министерства финансов вытаскивать из долговой ямы Lehman Brothers? Алчность? Моральные риски? Недостаточное регулирование? Избыточное регулирование? Ожесточённые дискуссии по этим вопросам, несомненно, утихнут ещё не скоро.

Но по большому счёту всё это не так уж важно. Гораздо важнее то, что утратила прежнюю репутацию и привлекательность наша ключевая схема. Пройдёт немало времени, прежде чем какого-либо политика снова удастся убедить в том, что финансовые инновации представляют собой огромное благо, что финансовые рынки эффективнее всего работают в режиме саморегулирования и правительства вправе позволить крупным финансовым институтам самим расплачиваться за свои ошибки. Для того чтобы перейти к следующему этапу глобализации, нужен новый подход. От того, насколько продуманным он будет, зависит здоровье нашей экономики.

Глобальные финансы — не единственная сфера, в которой лишились убедительности прежние схемы. В июле 2008 г., на фоне разворачивавшегося ипотечного кризиса, окончились крахом глобальные переговоры по вопросу об устранении препятствий в международной торговле, вылившиеся в череду взаимных обвинений и упреков. Эти переговоры, организованные под эгидой Всемирной торговой организации (ВТО) и получившие название «Дохийский раунд», шли с 2001 г. В глазах многих антиглобалистских группировок они превратились в символ эксплуатации трудящихся, бедных крестьян и окружающей среды мультинациональными корпорациями. В итоге переговоры были приостановлены по более банальным причинам: развивающиеся страны во главе с Индией и Китаем в конце концов пришли к выводу, что уступки со стороны США и Европейского союза не станут достаточной компенсацией за отказ от таможенных тарифов на промышленную и сельскохозяйственную продукцию. Несмотря на то что попытки возобновить переговоры продолжаются, похоже, что у ВТО кончились идеи относительно того, как укрепить свою пошатнувшуюся легитимность и снова стать ключевым игроком.

Мировой торговый режим отличается от финансового режима в одном важном отношении. Трения в системе торговых отношений не нарастают изо дня в день. Если какие-то правила кажутся той или иной стране слишком жёсткими или не отвечающими её потребностям, она всегда в состоянии их обойти. Результаты такого поведения малозаметны, проявляются с течением времени в виде постепенного отступления от краеугольных принципов — многостороннего подхода и отсутствия дискриминации.

Развивающиеся страны всегда сетовали на то, что эта система противоречит их интересам, поскольку её правила устанавливают главные игроки. Помимо этого, против глобализации нередко выступал сло-

жившийся по очевидным причинам пёстрый союз анархистов, защитников окружающей среды, профсоюзов и прогрессивистов. Однако настоящей сенсацией последних лет стало то, что богатые страны тоже недовольны этими правилами. Эту новую тенденцию отражает резкое ослабление поддержки глобализации в таких крупных странах, как США. Согласно данным совместного опроса изданий NBC News и «The Wall Street Journal», заметно сократилось число респондентов, считающих глобализацию благом для американской экономики: 42% в июне 2007 г. и 25% в марте 2008 г. Поразительно, но недовольство всё чаще выказывают даже ортодоксальные экономисты, ставя под сомнение добродетели глобализации, прежде считавшиеся очевидными.

Так, покойный ныне Пол Самуэльсон, автор классического послевоенного учебника экономики, напоминал своим коллегам о том, что выигрыш Китая от глобализации вполне мог обернуться потерями для США; Пол Кругман, лауреат премии по экономике памяти Альфреда Нобеля 2008 г., указывал, что торговля с бедными странами уже не настолько незначительна, чтобы никак не влиять на уровень неравенства в богатых странах; Алан Блайндер, бывший вице-председатель американской Федеральной резервной системы, беспокоился в отношении того, что международный аутсорсинг окажет беспрецедентное негативное воздействие на рынок труда в США; Мартин Вулф, колумнист «Financial Times» и один из самых последовательных защитников глобализации, выражал разочарование тем, какой оборот приняла финансовая глобализация; а Ларри Саммерс, «Мистер Глобализация» в правительстве президента Клинтона и экономический советник президента Барака Обамы, размышлял об опасностях «гонки уступок» в сфере государственного регулирования и о необходимости введения международных трудовых стандартов.

И хотя все эти опасения едва ли сравнятся с полноценной фронтальной атакой, предпринятой, например, нобелевским лауреатом Джозефом Стиглицем, они всё равно свидетельствуют о серьёзном изменении интеллектуального климата. Более того, даже не утратившие веру в глобализацию нередко вступают в яростные споры относительно причин, по которым они хотели бы видеть её продолжение. Например, Джагдиш Бхагвати, видный защитник свободной торговли, и Фред Бергстен, директор такого оплота глобализации, как Институт международной экономики им. Петерсона, рьяно отстаивают убеждение в том, что критики крайне преувеличивают минусы глобализации и недооценивают её плюсы. Но при этом их споры о выгодах региональных торговых соглашений (Бергстен выступает за эти соглашения, Бхагвати — против) достигают не меньшего накала, чем их выпады в адрес вышеупомянутых авторов.

Разумеется, никто из этих экономистов не выступает против глобализации. Они хотят не отмены глобализации, а создания новых институтов и компенсационных механизмов (внутренних или международных), которые сделают глобализацию более эффективной, более справедливой и более устойчивой. Их политические предложения далеко не всегда бывают чётко сформулированы, зачастую носят неопределённый характер и по большей части не находят поддержки. Однако споры по поводу глобализации явно проникли с улицы на страницы финансовой прессы и на трибуны влиятельных мозговых центров.

Интеллектуальный консенсус в поддержку нынешней модели глобализации начал разваливаться ещё до того, как мировую экономику поразил Великий финансовый крах 2008 г. Былую самоуверенность глашатаев глобализации сменили сомнения, вопросы и скептицизм.

Альтернативный подход

Мир однажды уже сталкивался с крахом глобализации. Эпоха «золотого стандарта» — с её свободной торговлей и свободным движением капитала — неожиданно прервалась в 1914 г., и восстановить её

после завершения Первой мировой войны оказалось невозможно. Не станем ли мы в ближайшие годы свидетелями аналогичного распада глобальной экономики?

Этот вопрос отнюдь не относится к области фантазий. Несмотря на то что экономическая глобализация, обеспечивая развитым странам беспрецедентный уровень процветания, вместе с тем стала подарком для сотен миллионов бедных работников в Китае и других странах Азии, она опирается на очень шаткий фундамент. В отличие от национальных рынков, за которыми обычно стоят государственные регулирующие и политические институты, глобальные рынки имеют «слабые корни». У нас нет ни глобальных антимонопольных органов, ни глобальных кредиторов последней инстанции, ни глобальных контролирующих органов, ни глобальной сети социального обеспечения; разумеется, не существует также и глобальной демократии. Иными словами, глобальные рынки слабо управляются и потому нестабильны, неэффективны и не обладают серьёзной массовой легитимностью.

Из этого несоответствия между национальным характером власти и глобальной природой рынков складывается мягкое подбрюшье цивилизации. Здоровая глобальная экономическая система невозможна без тонкого компромисса между тем и другим. Наделив правительства слишком большими полномочиями, вы столкнётесь с протекционизмом и автаркией. Дав рынкам слишком много свободы, вы получите нестабильную мировую экономику при минимуме социальной и политической поддержки для тех, кому она призвана помогать.

Первые три десятилетия после 1945 г. стали эпохой Бреттон-Вудских соглашений, названных так по имени курортного местечка в Нью-Гэмпшире, где в 1944 г. собрались представители США, Великобритании и других союзных держав с целью заложить основы послевоенной экономической системы. Бреттон-Вудский режим основывался на многостороннем подходе, позволявшем политикам сосредоточиться на решении отечественных социальных вопросов и создании рабочих мест; в то же время он способствовал возрождению и процветанию глобальной торговли. Гениальность этой системы состояла в том, что она обеспечивала баланс, исключительно удачно отвечавший достижению сразу нескольких целей. Были устранены некоторые из наиболее вопиющих препятствий к международной торговле, и в то же время ведущие правительства вправе были проводить независимую экономическую политику и строить предпочтительный вариант социального государства. В свою очередь, развивающиеся страны имели возможность проводить избранные ими стратегии роста при отсутствии серьёзных внешних ограничений. Международные потоки капитала при этом жёстко контролировались. Бреттон-Вудская система обернулась оглушительным успехом: промышленно развитые страны восстановили свою экономику и достигли благоденствия, а во многих развивающихся странах наблюдались беспрецедентные темпы экономического роста. Мировая экономика процветала так, как никогда раньше.

Бреттон-Вудский валютный режим в конце концов утратил устойчивость вследствие возрастания международной мобильности капитала, а также нефтяных шоков 1970-х гг., ставших серьёзным потрясением для развитых экономик. Этот режим сменился в 1980–1990-е гг. более амбициозной программой экономической либерализации и глубокой интеграции, представлявшей собой попытку создать то, что можно назвать гиперглобализацией. Торговые соглашения вышли за рамки традиционных мер по ограничению импорта, вторгаясь в сферу внутренней политики, был ликвидирован контроль над международными рынками капитала, а развивающиеся страны столкнулись с жёсткими требованиями открыть свои рынки для внешней торговли и инвестиций. По сути, экономическая глобализация превратилась в самоцель.

Чересчур усердно насаждая послевоенную модель глобализации, экономисты и политики забыли, в чём заключался секрет её изначального успеха. Итогом стала серия разочарований. Финансовая глобализация в большей степени способствовала нестабильности, нежели высокому уровню инвестиций

и ускоренному экономическому росту. На национальном уровне глобализация вместо роста благосостояния для всех без исключения обернулась усилением неравенства и незащищённости. Некоторые страны (в первую очередь Китай и Индия) в этот период достигли колоссальных успехов. Но, как мы увидим, эти страны предпочли играть в глобализацию не по новым, а по Бреттон-Вудским правилам. Вместо того чтобы безоговорочно открывать свои рынки для международной торговли и финансов, они избрали комбинированную стратегию, предусматривавшую активные государственные интервенции, направленные на диверсификацию экономики. При этом страны, следовавшие более стандартным рецептам (в частности, латиноамериканские государства), отставали. В результате глобализация пала жертвой собственных первоначальных успехов.

Чтобы подвести под наш экономический мир более надёжный фундамент, необходимо хорошо осознавать тонкий баланс между рынками и властью. В этой книге будет предложен альтернативный подход, основывающийся на двух простых соображениях. Во-первых, рынки и правительства дополняют, а не заменяют друг друга. Если мы хотим, чтобы у нас было больше рынков и они были более эффективными, нам нужно больше власти, и она должна быть более эффективной. Рынки лучше всего работают не там, где государство слабое, а там, где оно сильное. Во-вторых, мы не обязаны придерживаться одной-единственной модели капитализма. К экономическому процветанию и стабильности можно прийти, применяя различные комбинации институциональных механизмов на рынках труда, в финансах, в корпоративном управлении, социальном обеспечении и других сферах. Отдельные страны имеют право и наверняка будут выбирать разные наборы этих механизмов в зависимости от своих ценностей и потребностей.

Какими бы банальными ни были эти соображения, они имеют колоссальное значение с точки зрения глобализации и демократии, а также необходимости учитывать каждое из них при попытках воплощения их в жизнь. Как только мы поймём, что рынки не в состоянии хорошо работать при отсутствии публичных институтов власти и контроля, а также признаем, что нации могут иметь разные предпочтения в отношении той формы, которую примут эти институты и меры контроля, будем вынуждены свернуть на путь, который приведёт нас к совершенно иным выводам.

В частности, это позволит нам приблизиться к пониманию того, что я называю фундаментальной политической трилеммой мировой экономики: нельзя одновременно поддерживать демократию, национальное самоопределение и экономическую глобализацию. Если нам нужна более глубокая глобализация, следует отказаться либо от национального государства, либо от демократической политики. Чтобы сохранять и укреплять демократию, придётся делать выбор между национальным государством и международной экономической интеграцией. А если приоритетами объявлены национальное государство и самоопределение, то нужно выбирать между углублением демократии и углублением глобализации. Корни наших проблем скрываются в нежелании смириться с неизбежностью этого выбора.

Несмотря на то что мы можем одновременно насаждать и демократию, и глобализацию, из нашей трилеммы следует, что это требует создания глобального политического сообщества, намного более амбициозного, нежели всё то, с чем мы сталкивались до сего дня или можем столкнуться в ближайшем будущем. Понадобится установление глобальных демократических правил, подкреплённых механизмами подотчётности, намного превосходящими всё то, что мы имеем сейчас. Глобальное демократическое правительство такого рода — химера. Как будет показано, национальные государства слишком сильно отличаются друг от друга для того, чтобы их потребности и предпочтения могли быть учтены в рамках единых правил и институтов. Та глобальная власть, которую мы в силах создать, сможет обеспечить лишь ограниченный вариант экономической глобализации. Исключительное разнообразие, которым отличается наш нынешний мир, делает гиперглобализацию несовместимой с демократией.

Нам поэтому придётся выбирать. Хочу сразу же чётко и недвусмысленно заявить: в моих глазах демократия и национальное самоопределение важнее гиперглобализации.

Демократии имеют право защищать свою социальную систему, и в тех случаях, когда это право сталкивается с требованиями глобальной экономики, отступить должны последние.

Кое-кто может подумать, что этот принцип делает глобализацию невозможной. Вовсе нет. Надеюсь, к концу книги мне удастся убедить читателей в том, что укрепление национальных демократий в реальности даст глобальной экономике более надёжную и более здоровую опору. В этом-то и заключается главный парадокс глобализации. Ограниченный свод международных правил, оставляющий национальным правительствам значительное пространство для манёвра, — вот что будет лучшей глобализацией. Сохранив экономические плюсы нынешней глобализации, она будет избавлена от её недостатков. Нам нужна не максимальная, а продуманная глобализация.

Экономисты — тоже люди

Экономисты и политические советники слишком долго оставались близорукими по отношению к трендам и проблемам, порождаемым экономической глобализацией. Каждое препятствие на пути к ней они объясняли невежеством или, хуже того, эгоистичным лоббированием протекционистских интересов. При этом они уделяли недостаточное внимание законному конфликту конкурирующих ценностей и идеалов, усугублявшемуся безоглядным стремлением к глобализации. Они не замечали связи между хорошо функционирующими рынками и целенаправленными действиями государства. Соответственно их предписания порой приносили больше вреда, чем пользы. Кроме того, они упускали бесчисленные возможности для того, чтобы более удачно использовать орудия своего ремесла.

В силу всего этого нам не избежать разговора об экономистах и об их идеях, о том, что они пытаются внушить самим себе и окружающим. Мы покажем, как эти идеи сделали наш мир таким, каков он есть, как они едва не привели к его гибели, и какие из этих экономических идей можно использовать при создании более удачной глобальной экономической системы. Вероятно, нет ничего удивительного в том, что такой экономист, как я, придаёт идеям — и, в частности, идеям экономистов — большое значение. Однако, думаю, сложно переоценить влияние, оказанное этими идеями, на наши представления об окружающем мире, на дискуссии в среде политиков и других ответственных лиц, а также на имеющиеся у нас альтернативы. Политологи, социологи, историки и прочие специалисты, несомненно, также потребуют, чтобы им воздали должное. Пределы политического выбора, безусловно, задаются заинтересованными группировками и их политическими организациями, скрытыми социетальными тенденциями и историческими условиями. Но благодаря технической изошрённости экономической науки и её внешней самоуверенности последнее слово всегда остаётся за ней (по крайней мере, с момента окончания Второй мировой войны). Именно её язык используется при обсуждении публичной политики и определяет топологию нашего коллективного сознания. Дж. М. Кейнсу принадлежит известное изречение о том, что «люди практики, которые считают себя совершенно неподверженными интеллектуальным влияниям, обычно являются рабами какого-нибудь экономиста прошлого»⁵. Думаю, что это не совсем так. Во всяком случае, в отношении — по большей части — тех экономистов, от которых исходили идеи, ставшие основой для политики последних 50 лет.

Экономисты нередко становятся жертвами несправедливости. Их считают рыночными фундаменталистами, не обращающими внимания на судьбы сообществ, социальные ценности или иные публичные

⁵ Цит. по: Кейнс Дж. М. 1978. *Общая теория занятости, процента и денег*. М.: Прогресс (серия «Экономическая мысль Запада»); 458. — *Примеч. ред.*

цели, помимо эффективности и экономического роста. Считается, что они способствуют росту материального потребления, алчности и эгоизма за счёт этических норм и социального сотрудничества. В глазах большинства людей образцом экономиста является Милтон Фридман, бесконечно поющий дифирамбы свободному рынку и осуждающий любое государственное вмешательство, идёт ли речь о жилищном строительстве, об образовании, здравоохранении, занятости, торговле или о любой другой сфере. Всё это очень слабо соответствует действительности. Экономисты анализируют мир с помощью самых разных подходов; при этом одни из них выступают за свободный рынок, а другие — против него. Значительная часть их трудов в реальности посвящена изучению тех типов государственного вмешательства, которое способно повысить эффективность экономики. Всё чаще предметом исследований становятся неэкономические мотивы и социальная кооперация.

Проблема состоит не в том, что экономисты душой и телом преданы свободно-рыночному фундаментализму, а в том, что им свойственны те же эвристические ошибки, что и обычным людям. Экономисты склонны демонстрировать групповое мышление и излишнюю самоуверенность, чрезмерно полагаясь на те факты, которые подтверждают их текущую точку зрения, и отвергая то, что не укладывается в картину. Они следуют веяниям моды, в разные моменты времени поднимая на щит разные идеи. Они придают излишнее значение недавно полученному опыту, недооценивая события более далёкого прошлого. Им свойственно уделять избыточное внимание рецептам, применявшимся во время последнего кризиса, и не замечать противоречий, способных породить новый кризис. Несогласие с их взглядами они зачастую объясняют невежеством или эгоизмом, не признавая возможного расхождения во мнениях при оценке тех или иных конкретных обстоятельств. Им свойственно клановое поведение, и для них очень важно, кто входит в состав их клана (то есть является профессиональным экономистом), а кто — нет. Подобно всем носителям специальных знаний, они во многих случаях высокомерно ведут себя с посторонними, рискнувшими посягнуть на их сферу. Иными словами, экономисты — тоже люди. И они ведут себя как обычные люди, а не как те фантастические гиперрациональные планировщики, стремящиеся к максимизации социальной выгоды, которые порой фигурируют в их собственных моделях.

Но экономисты — это не просто некая группа. Они — архитекторы интеллектуального окружения, в рамках которого ведётся выработка внутренней и внешней политики. Они требуют к себе уважения, и к ним прислушиваются. По иронии судьбы, это происходит тем чаще, чем хуже экономическая ситуация. Ошибки экономистов (а им свойственно время от времени ошибаться) могут обходиться обществу очень дорого.

Однако в тех случаях, когда они оказываются правы, их вклад в благосостояние человечества невозможно переоценить. За некоторыми из величайших экономических успехов нашего времени — возрождение глобальной торговли в послевоенный период или экономический подъём Китая и Индии — стоят простые, но действенные идеи, неустанно пропагандировавшиеся экономистами: торговля лучше самодостаточности; экономические стимулы имеют значение; рынки служат двигателем роста. Как мы покажем далее, многое из того, что предлагает нам экономическая наука, можно и нужно всячески приветствовать.

Таким образом, то, о чём пойдёт речь далее, несводимо к простой нравоучительной сказке о хороших и плохих парнях. Я не выношу ни заявлений, возлагающих на экономистов ответственность за все мировые несчастья, ни самовосхвалений рыночных фундаменталистов и не собираюсь ни разоблачать идеи экономистов, ни рекламировать их. Вместо этого я лишь покажу, как их использовали в прежние эпохи, к чему это приводило и как мы можем с их помощью создать более удачный вариант глобализации — более устойчивый и в то же время более совместимый с ценностями и чаяниями разных стран мира. В настоящий момент экономическая наука на две трети представляет собой чудодейственное

лекарство и на одну треть — шарлатанское снадобье. Надеюсь, наша книга поможет читателю понять, где кончается одно и начинается другое.

Литература

Rodrik D., Subramanian A. 2009. Why Did Financial Globalization Disappoint? *IMF Staff Papers*. 56 (1) (March): 112–138.

NEW TRANSLATIONS

Dani Rodrik

The Globalization Paradox: Democracy and the Future of the World Economy

RODRIK, Dani — Albert O. Hirschman Professor of Social Science, Institute for Advanced Study, School of Social Science. Address: Einstein Drive, Princeton, NJ 08540, USA.

Email: drodrik@ias.edu

Abstract

From trade monopolies in XVII century empires to modern institutions such as WTO, International Monetary Fund and World Bank, countries used different tools to gain advantages from globalization. Economic narratives of those times, including Gold Standard, the Bretton Woods regime, the “Washington Consensus”, were considered to be an overwhelming success as well as a great fail. Challenging the common views on globalization, Dani Rodrik suggests a new narrative indicating the insurmountable contradiction: we cannot simultaneously have democracy, national state and economic globalization. When social mechanisms of democracy inevitably meet globalization’s requirements, national interests have to come to the fore. Combining fascinating historic evidences with sound economic analysis, the author argues for curbing globalization with the help of international rules allowing standing against global challenges that we face in trade, finance and labour markets.

The journal “Economic Sociology” publishes the introduction (“Recasting Globalization’s Narrative”) to the book “The Globalization Paradox” by D. Rodrik. In the introduction, the author indicates the research problem and elaborates his approach to its solution. Rodrik considers his approach to be an alternative to the shared views of economists and politicians, calling for full support of globalization. The author’s narrative is based on two ideas: (1) markets and governments are compliments, not substitutes; (2) there are many models of capitalism, which can contribute to economic growth.

Key words: globalization; democracy; national state; international trade; financial crisis; capitalism; developing countries.

References

Rodrik D., Subramanian A. (2009) Why Did Financial Globalization Disappoint? *IMF Staff Papers*, vol. 56, no 1 (March), pp. 112–138.